

Евгений Деменок

Василиск Гнедов, Одесса и МИТИТЕИ

Существует красивая и ничем не подтвержденная легенда о том, что Пушкин и Лермонтов встречались единственный раз в своей жизни именно в Одессе – мол, бабушка Михаила Юрьевича, Елизавета Алексеевна, привозила его в Одессу еще мальчиком.

Вторая легенда, подтвердить которую гораздо легче, гласит о том, что мы с Василиском Гнедовым встретились однажды тоже в Одессе – в Аркадии, в очереди за мититеями.

Об этом я и хочу рассказать.

* * *

Василий Иванович Гнедов, вошедший в историю как поэт Василиск Гнедов, в период «бури и натиска» русского футуризма считался самым радикальным из эгофутуристов и самым близким к кубофутуристам. Автор знаменитой «Поэмы конца», состоявшей из одного лишь жеста, оказавшей влияние, в том числе, и на Казимира Малевича, неоднократно выступал на одной сцене и с Давидом Бурлюком, и с Владимиром Маяковским. Выступления его всегда вызывали бурю эмоций.

Гнедов входил в ареопаг «Интуитивной ассоциации» эгофутуризма, вместе с Иваном Игнатьевым, Павлом Широковым и Дмитрием Крючковым он подписал знаменитую «Грамоту Интуитивной Ассоциации Эгофутуризм». Помимо ряда сборников эгофутуристов, опубликованных издательством «Петербургский глашатай», стихи Гнедова вошли в сборник «Руконог», изданный объединением «Центрифуга», где они соседствовали со стихами Николая Асеева и Бориса Пастернака, а в начале 1918 года он сам выпустил сборник «Временник 4», в который среди прочих вошли стихи Николая

Асеева, Григория Петникова и Велимира Хлебникова. Тогда же он стал одним из председателей земного шара. Широкую известность Гнедову принесла опубликованная в 1913 году брошюра «Смерть искусству», состоящая из пятнадцати поэм, последняя из которых, «Поэма конца», представляла собой чистый лист. При чтении ее со сцены, по словам Владимира Пяста, Гнедов делал только один жест рукой, не произнося при этом ни слова: «Слов она (поэма) не имела и вся состояла только из одного жеста руки, поднимаемой перед волосами и резко опускаемой вниз, а затем вправо вбок. Этот жест, нечто вроде крюка, и был всею поэмой».

Поэт-трансфуррист Сергей Сигей, работавший с рукописями Гнедова и составивший один из сборников его стихотворений, считал, что если Хлебников дал первый импульс словотворчества, Крученых стал родоначальником заумной поэзии, то Гнедов возвел жест на уровень литературного произведения, предвосхитив таким образом современные перформансы и боди-арт.

Гнедову принадлежат и первые футуристические опыты на украинском языке, созданные даже раньше первых футуристических стихов Михайля Семенка.

Критика не могла не заметить такого яркого персонажа. Корней Чуковский писал о том, что Гнедов вовсе не эгофутурист, а «переодетый Крученых» (Чуковский знал, что Крученых и Гнедов даже жили в 1913 году в одной квартире в петербургском Лигове). И действительно, из всех эгофутуристов он был ближе всего к «московской группе», к кубофутуристам, неоднократно выступал с Владимиром Маяковским на одной сцене, но так и не стал одним из них.

Интересно, что во время одного из выступлений в московском «Кафе поэтов», которое было «домашней сценой» Давида Бурлюка, Маяковского, Василия Каменского и «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта, Бурлюк приветствовал Гнедова как «генералиссимуса русского футуризма». Это было в октябре 1917-го, Гнедов участвовал тогда в шедших в Москве боях. Как сам он писал впоследствии, он был в то время командиром революционного отряда у Никитских ворот и начальником военного штаба Ревкома Городского района Москвы.

Революция, как известно, пожирает своих детей. Гражданскую жену Гнедова, известную революционерку Ольгу Владимировну

Пилацкую, знавшую Ленина задолго до 1917 года и ставшую в 1920-х заведующей женотделом ЦК КП(б)У, а в 1930-х – заместителем председателя Госплана УССР и даже членом ЦИК СССР, в 1937 году обвинили в контрреволюционной деятельности и расстреляли. Сам Гнедов был 8 января 1938 года арестован и осужден на 5 лет административной ссылки – как муж участницы «контрреволюционной террористической организации». С 1943 до 1957 года он работал инженером в провинции (Таджикистан, Дагестан, Углич), а весной 1957-го переехал в Киев, где в 1960-м году даже получил квартиру. Удивительно, но Гнедов не разочаровался ни в партии, ни в коммунистической идее. Вернувшись из ссылки, он добился того, чтобы их брак с Ольгой Пилацкой признали официальным – задним числом. Это случилось в 1957 году.

После возвращения из ссылки к нему «возвращаются» стихи. Если стихов, написанных за период с 1918 по конец 1940-х, до нас практически не дошло (то ли их практически не было, то ли были уничтожены следователями либо самим поэтом), то с начала 1950-х и до самой смерти в 1978 году Гнедов пишет тысячи стихотворений, очень разных по уровню, но единых в одном – они так же нарушают общепринятые литературные нормы, как и его ранние стихи. До выхода в свет подготовленного Ильей Кукуем (работавшим, в том числе, и с тем, что было собрано Сергеем Сигеем) сборника лишь малая часть этих стихов была опубликована. Более того – и сейчас немало стихов Василиска Гнедова ждут своей публикации, оставаясь в рукописях, находящихся в разных странах.

В 1970-х забытый, казалось, почти всеми поэт вновь привлекает к себе внимание литературоведов и историков – ведь он остался одним из немногих живых свидетелей литературной жизни начала века, лично близко знавшим чуть ли не всех главных поэтов того времени, начиная от Северянина и Игнатьева и заканчивая Пастернаком и Маяковским. К этому времени Гнедов жил и в Киеве, и в Херсоне, на проспекте Ушакова, 64, со своей второй женой Марией Николаевной Соболевской.

Осенью 1971 года Василиск Гнедов приезжает в Одессу – поправить здоровье в санатории имени Чкалова. Узнав об этом, к нему едет Евгений Михайлович Голубовский, захватив с собой прекрасного фотографа Сергея Калмыкова.

* * *

Евгений Михайлович работал тогда в «Комсомольской искре» и слышал о Гнедове как о поэте-футуристе. Приехав в санаторий, они с Калмыковым увидели высокого «кремезного» мужчину, ходившего с деревянной суковатой палкой. Гнедов рассказал о своих футуристических опытах, но был очень осторожен. Отношение его к своим бывшим соратникам по поэтическому цеху было очень просоветским: вот Маяковский – это да, а все остальные – это не наше. Такое поведение было очень характерным для пережившего репрессии поэта – при первой встрече с новыми знакомыми он декларативно демонстрировал свою «советскость», проводя тем самым отбор собеседников. Те, кто проходил этот тест, имели шанс увидеть другого Гнедова – поэта, оставшегося эгофутуристом до конца своих дней.

Василий Иванович предложил тогда Голубовскому опубликовать в газете одно из новых его стихотворений из цикла «365 стихотворений о Ленине». И пообещал после публикации передать ему корону председателя земного шара. Но стихотворение было настолько в стилистике Лебедева-Кумача, что у Евгения Михайловича не поднялась рука его опубликовать. Друживший с Гнедовым Николай Харджиев позже снабдил стихотворения этого цикла уничижительной характеристикой, где самым сдержанным словом было «пакость». В результате из всего цикла до нас дошло то единственное стихотворение, которое Гнедов отправил Голубовскому, – остальные, судя по всему, уничтожил как раз Харджиев. Два года назад я опубликовал его в сетевом журнале «Гостиная», и Евгений Михайлович в шутку и всерьез передал мне эту самую корону транзитом от Гнедова. Корона имела вид аристократического шарфика.

Немного позже я понял, почему поэт, о котором я не так давно почти ничего не знал, сразу же показался мне таким близким. Разгадка нашлась в самом полном, пятисотстраничном сборнике его стихотворений, выпущенном Ильей Кукуем в 2018 году. Во всем сборнике есть одно-единственное стихотворение, написанное Гнедовым в Одессе. Оно датировано 29-м октября 1971 года и открывается эпиграфом: «Мититей» – загадка Аркадии (Одесса)».

Василиск Гнедов и Евгений Голубовский. Одесса, 1971 год

* * *

Все гулявшие в 1970-х по Аркадийской аллее хорошо помнят, что ровно посередине ее, слева – если стоять лицом к морю – находилась небольшая стекляшка, в которой готовили и продавали мититеи. Подавали их в тарелочках из фольги, по две колбаски, с парой колечек лука, кусочками хлеба, огурца и ложкой кетчупа. Их божественный вкус я помню до сих пор.

В Аркадию мы ходили с дедушкой. Конечно же, не купаться – все одесситы прекрасно знали, что купаются в Аркадии лишь приезжие, и вода там наполовину разбавлена мочой. Мы ходили туда прогуляться по аллее с пальмами и поесть мититеи.

Стоило это божественное лакомство целый рубль, и иногда мне удавалось уговорить дедушку купить вторую порцию. Честно говоря, я съел бы и пять порций без малейшего напряжения.

И как же радостно было спустя почти пятьдесят лет после тех прогулок узнать, что мою страсть к мититеям разделял друг Бур-

люка и Маяковского! Они настолько восхитили Василиска Гнедова, что он посвятил им целое стихотворение. Вот оно:

Что такое «мититей»
Здесь никто не знает
Много есть к нему путей
Верхами и низами

Воплотилась мечта
В той стране счастливой
И в Аркадии все мчат
К реке медоточивой

Воронцов ее создал
В дни благословенные
Тут и пушкинский скандал
И трели соловьиные

Верим мы или не верим
В буколические сказки
Мититей злой империи
В золотой ходили каске

.....

Мититей – то просто мясо
Пережаренное в масле
Легкомысленная масса
Все сожрет, что бросишь в ясли!

Нет, не Потемкинская лестница, не Воронцовский маяк, не Дюк – именно мититей поразили поэта до глубины души.

Приблизительно в это время поразили они и меня. Да так, что я помню их вкус до сих пор.

Бывают удивительные, мистические сближения – сквозь годы и расстояния. Любовь к футуризму и мититеям – что еще нужно для того, чтобы почувствовать в человеке родственную душу? Будь он даже не просто человеком, а председателем земного шара?